

вание не означает абсолютную уверенность, т. е. допускается определенная свобода толкования масштабно возможного объема применения нормы. При этом, как следует из решения *Vogt v. Germany*, степень требуемой четкости изложения нормы во многом зависит от сферы отношений, которую регулирует правовой инструмент, количества и статуса лиц, которым он адресован⁴.

Во-вторых, такие законы должны соответствовать законной цели, ради которой они вводятся, которой в данном случае является защита права на частную жизнь. Важно отметить, что ограничения как свободы слова, так и права на частную жизнь, возможны лишь на основаниях, прямо предусмотренных Конвенцией. Таким образом, не допускаются ограничения, которые основываются на расширительном толковании положений Конвенции (“implied restriction”)⁵.

В-третьих, ограничения, вводимые таким законом должны быть «необходимыми в демократическом обществе», в том смысле, что они должны быть вызваны «настоятельной социальной необходимостью»⁶; причины их использования должны быть «существенными и достаточными»⁷, а также они должны соответствовать законной цели, ради которой они вводятся. Иначе говоря, ограничения должны быть пропорциональны легитимной цели, ради которой они вводятся⁸. Это также предполагает, что государства обязаны гарантировать, что меры, принимаемые для достижения законной цели, не выходят за рамки сферы усмотрения (“margin of appreciation”), определенной для действий государства в данном вопросе. Именно этот, наиболее широкий критерий, включает в себя, кроме необходимости уравновесить взаимно противоречивые интересы защиты свободы слова и частной жизни, также необходимость обеспечить соблюдение права общественности на получение информации обо всех вопросах, которые составляют общественный интерес, и обязанность СМИ предоставлять такую информацию⁹.

При определении границ защиты частной сферы важную роль играет статус лица, которого касается распространяемая информация. В частности, сфера защиты государственных служащих, и в особенности политических деятелей, гораздо уже по сравнению с частными лицами, поскольку их деятельность связана с исполнением государственных функций. Поэтому, например, критическая

оценка компетентности политика защищается гарантиями свободы слова, т.к. подобные высказывания несут в себе элемент критики правительства.

Во всех демократических правовых системах свобода слова как политическая ценность является неотъемлемой составляющей демократического управления и социального прогресса¹⁰. Демократический политический режим предусматривает, что представители государства выступают представителями избирателей, следовательно, последние имеют право на получение максимально полной информации для реализации принадлежащей им власти и формирования состава государственных органов. Исходя из этого, некоторые исследователи считают, что личная жизнь политиков находится за гранью их личной сферы и, если речь идет о кандидатах на парламентские или президентские выборы, общественность имеет право знать подробности их личной жизни (включая семейную жизнь, супружеские измены и т.д.) и неблагоприятного поведения для того, чтоб сделать сознательный выбор¹¹.

Итак, в основе широкой сферы допустимой критики в адрес политических и государственных деятелей лежит понимание ценности свободы выражения мнений как условия эффективной демократии. По этим причинам, когда речь идет о политическом выражении мнений, свобода слова имеет максимально широкие гарантии. Гарантии эти направлены на исключение или максимальное снижение риска того, что ограничения политического выражения мнений могут применяться с целью сдерживания легитимной критики в прессе поведения политика или его речей, хотя такова роль прессы в демократическом политическом процессе¹². Отметим, что под *политическим выражением взглядов* имеются в виду как взгляды по вопросам, связанным с деятельностью (и не только профессиональной) политиков, так и выражение мнения на публичном (политическом) форуме либо мнения по вопросам, связанным с функционированием демократических учреждений, политической жизнью общества, а также любым другим вопросам, в которых есть политический элемент.

Основной принцип концепции максимально широкой сферы свободы выражения взглядов, критики и комментариев в отношении политических деятелей, был сформулирован в деле *Lingens v*

Austria. Суд указал, что «границы допустимой критики шире, если она касается политического деятеля, а не частного лица. В отличие от последнего, первый неминуемо и сознательно открывает себя для придирчивого анализа каждого своего слова и поступка как журналистами, так и общественностью в целом, и как следствие этого, должен проявлять больше терпимости»¹³. Следствием такого сознательного открытия себя общественности является и ограничение сферы частной жизни.

К примеру, подробности частной жизни политической фигуры, которые составляют вопрос общественного интереса, а значит подлежат свободному обсуждению, могут включать в себя факты давнего прошлого. В решении по делу *Feldek v Slovakia* Европейский Суд отметил, что информация о «фашистском прошлом» члена правительства может быть свободно обнародована, т.к. такая информация способна повлиять на будущее демократическое развитие государства и его имидж в мире¹⁴.

В другом деле Суд также подчеркнул, что предоставление публичным лицам возможности подвергать прессу цензуре, прикрываясь защитой личных прав, было бы фатальным в области политики¹⁵.

При оценивании того, основывалось ли оспариваемое вмешательство в свободу слова на «достаточных» основаниях, которые оправдывают его «необходимость в демократическом обществе», учитывается любой элемент *общественного интереса* в обстоятельствах дела. Как правило, в делах, которые касаются публикации информации, которая затрагивает частную жизнь политических деятелей, этот элемент присутствует. Поэтому в таких случаях основным аргументом в защиту публикации выступает ценность социальной и политической дискуссии в обществе, обеспечить которую возможно лишь при условии обеспечения свободы такого рода высказываний и ограничения личной сферы политиков. Если же фактор общественного интереса отсутствует, и информация не несет в себе ценности для информированной общественной дискуссии (например, воспоминания жены премьер-министра об их связи до женитьбы¹⁶), запрет публикации в качестве превентивной меры для защиты частной жизни политического деятеля не нарушает требований Европейской Конвенции.

Общественно значимые вопросы могут касаться

любой сферы политической, экономической или социальной жизни страны или местной общины. В своей практике Европейский Суд относит к таким вопросам, например:

- раскрытие в репортаже социальной проблемы (публикация расистских высказываний группы экстремально настроенных молодых людей);

- проблемы занятости и оплаты труда, в свете которых оправдано обнародование справки о доходах директора крупной промышленной компании на фоне общего социального конфликта – забастовки;

- обсуждение резонансных судебных процессов (суды не могут функционировать в вакууме: хотя они представляют собой форум для решения споров, это не означает, что не может быть предварительного обсуждения таких споров либо в специализированной, либо в обычной прессе, либо общественностью в целом);

- утверждения о применении силы полицией, которые настолько многочисленны и похожи по содержанию, хотя и представлены разными источниками, что их невозможно считать просто слухами;

- и др.

При определении наличия общественного интереса в публикации статус лица, о котором идет речь, играет важную роль. Выше уже говорилось об особенности статуса политиков, связанном с родом их деятельности. Но не только для политиков, а и для других *публичных лиц* (кинозвезд, известных общественных деятелей, членов королевской семьи и т.д.), их имидж и известность в обществе способствует их большей «открытости», и таким образом, баланс интересов свободы слова и частной жизни допускает более широкое применение гарантий свободы слова.

При освещении вопросов, которые затрагивают публичных лиц, и потенциально представляют собой общественный интерес, также важно предоставлять определенную степень свободы журналистам и редакторам. При рассмотрении нескольких дел Европейский суд заявил о своем нежелании спекулировать в тех вопросах, которые представляют собой часть журналистской работы, например, в выборе более подходящего способа предоставления информации общественности¹⁷.

Таким образом, несмотря на то, что с формальной точки зрения статья 10 Европейской Конвенции не предусматривает дифференциации между разными типами выражения мнений,

Европейский Суд применяет такую дифференциацию на этапе оценки *пропорциональности* вмешательства в свободу слова. Принцип пропорциональности в свою очередь рассматривается как элемент «необходимости в демократическом обществе». В соответствии с этой дифференциацией, к политическим высказываниям применяются наиболее широкие гарантии защиты, что объясняется общей презумпцией о том, что такие высказывания представляют собой допустимое вмешательство в право на частную жизнь политического деятеля. Кроме того, при оценивании того, было ли оспариваемое вмешательство в свободу слова «необходимым в демократическом обществе», учитывается любой элемент общественного интереса в обстоятельствах дела.

Следует особо отметить, что выработанные Европейским Судом критерии пропорциональности ограничения свободы выражения взглядов имеют особенное значение для постсоветских стран, судебная практика которых пока что в этом отношении довольно противоречива. Как свидетельствует анализ судебной практики, в частности, в Украине, несмотря на то, что национальные суды в отдельных случаях ссылаются на решения Европейского Суда, они не применяют принципы, изложенные в этих решениях, и в своей аргументации все еще довольно далеки от указанных критериев.

¹ St'ú Niemietz v Germany (1993), 16 EHRR 97, para.29.

² St'ú Resolution 1165 (1998) Right to Privacy // Council of Europe Parliamentary Assembly, adopted on 26 June 1998 (24th Sitting) – http://assembly.coe.int/main.asp?Link=/documents/adoptedtext/ta98/eres1165.htm#_ftn1

³ St'ú Более подробно о субсидиарной функции Суда см. Handyside v UK (1976), 1 EHRR 737, para. 49; Vogt v Germany (1995), Series A 323, para. 52.

⁴ St'ú Vogt v. Germany (1996), 21 EHRR 205, параграф 48.

⁵ St'ú Golder v. United Kingdom (1979-80), 1 EHRR 524, параграф 44.

⁶ St'ú Zana v Turkey (1997), Reports of Judgments and Decisions 1997-VII, pp. 2547 – 2548, параграф 51.

⁷ St'ú Lingens v Austria (1986), 8 EHRR 407, параграф 40; Barford v Denmark (1989), Series A 149, параграф 28.

⁸ St'ú Handyside v United Kingdom (1976), 1 EHRR 737, параграф 48.

⁹ St'ú Barendt E. Freedom of Speech. – 2nd ed. – Oxford University Press, 2005. – С. 230; Perna v Italy (2003), Reports of Judgments and Decisions 2003-V, параграф 39; Bladet Tromsø and Stensaas v. Norway (1999), 29 EHRR 125, параграф 59

¹⁰ St'ú Robertson G., Nicol A. Media Law. – 5th ed. – London: Penguin Books Ltd., 2008. – С. 44.

¹¹ St'ú См. Schauer F. Can Public Figures have Private Lives? // E. F. Paul, F. D. Miller, and J. Paul (eds.) The Right to Privacy. – Cambridge: CUP, 2000. – С. 293.

¹² St'ú Lingens and Leitzgeb v Austria (1981). DR 26, 171, С. 181.

¹³ St'ú Lingens v Austria (1986) 8 EHRR 497, параграф 42.

¹⁴ St'ú Feldek v Slovakia (2001), Reports of Judgments and Decisions 2001-VIII, параграф 81.

¹⁵ St'ú Társaság a Szabadságjogokért v Hungary (2009), параграф 37 -

[http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx#{“dmdocnumber”:\[“849278”\],”itemid”:\[“001-92171”\]”}](http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx#{“dmdocnumber”:[“849278”],”itemid”:[“001-92171”]”})

¹⁶ St'ú Tammer v. Estonia (2001), Reports of Judgments and Decisions 2001-I.

¹⁷ St'ú Jersild v Denmark (1994), 19 EHRR 1, параграф 31.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Резолюция 1165 (1998) Право на приватность // Парламентская Ассамблея Совета Европы, принята 26 июня 1998 года – http://assembly.coe.int/main.asp?Link=/documents/adoptedtext/ta98/eres1165.htm#_ftn1
2. Barendt E. Freedom of Speech. – 2nd ed. – Oxford University Press, 2005.
3. Robertson G., Nicol A. Media Law. – 5th ed. – London: Penguin Books Ltd., 2008.
4. Schauer F. Can Public Figures have Private Lives? // E. F. Paul, F. D. Miller, and J. Paul (eds.) The Right to Privacy. – Cambridge: CUP, 2000.
5. Barford v Denmark (1989), Series A 149.

6. Bladet Tromsø and Stensaas v. Norway (1999), 29 EHRR 125.
7. Feldek v Slovakia (2001), Reports of Judgments and Decisions 2001-VIII.
8. Golder v. United Kingdom (1979-80), 1 EHRR 524.
9. Handyside v United Kingdom (1976), 1 EHRR 737.
10. Jersild v Denmark (1994), 19 EHRR 1.
11. Lingens v Austria (1986), 8 EHRR 407.
12. Niemietz v Germany (1993), 16 EHRR 97.
13. Perna v Italy (2003), Reports of Judgments and Decisions 2003-V.
14. Tammer v. Estonia (2001), Reports of Judgments and Decisions 2001-I.
15. Társaság a Szabadságjogokért v Hungary (2009) - [http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx#{"dmDocNumber":\["849278"\],"itemID":\["001-92171"\]}](http://hudoc.echr.coe.int/sites/eng/pages/search.aspx#{)
16. Vogt v. Germany (1996), 21 EHRR 205.
17. Zana v Turkey (1997), Reports of Judgments and Decisions 1997-VII.

ԱՄՓՈՓՈՒՄ

Տեղեկատվության մատչելիության հասարակության իրավունքի և անձնական կյանքի իրավունքի հարաբերակցության սկզբունքները

Սույն հոդվածում վերլուծվում են Մարդու իրավունքների եվրոպական դատարանի նախադեպային իրավունքում ձևավորված այն սկզբունքները, որոնք ազդում են ազատորեն արտահայտվելու իրավունքի և անձնական կյանքի նկատմամբ հարգանքի իրավունքի միջև հավասարակշռման վրա այն դեպքերում, երբ ազատորեն արտահայտվելու իրավունքը հանգեցնում է անձնական կյանքի նկատմամբ հարգանքի իրավունքի խախտմանը: Նշված հիմնարար իրավունքները հավասարակշռելու անհրաժեշտությունից բացի անհրաժեշտ է նաև երաշխավորել հասարակության իրավունքն ստանալու տեղեկատվություն հասարակական հետաքրքրություն ներկայացնող բոլոր հարցերի վերաբերյալ:

Հիմնարար շահերի հավասարակշռություն, կարծիք արտահայտելու ազատություն, մասնավոր կյանք, համամասնություն, կարծիքի քաղաքական արտահայտում, հանրային շահ:

SUMMARY

Principles of balancing Of the right of the public to access to information and the right to private life

The article analyses the principles developed in the case-law of the European Court of Human Rights which influence the balance between freedom of expression and private life in cases where exercise of the freedom of expression results in infringement of personal privacy. Apart from the need to balance the discussed fundamental rights, there is an established interest in ensuring the right of the public to receive information on all matters of public interest.

Keywords: balance of interests, freedom of expression, private life, proportionality, political expression, public interest